

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation  
Voennyi Sbornik  
Has been issued since 1858.  
ISSN: 2309-6322  
E-ISSN: 2409-1707  
Vol. 11, Is. 1, pp. 11-30, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.11.11  
[www.ejournal6.com](http://www.ejournal6.com)



UDC 93/94

## The Concepts of Irregular Troops in the Russian Military Theory: from the "Miraculous Force" of the Russian Empire to the Helpers of Terrorists

Artyom Y. Peretyatko

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation  
Laboratory of Military Research  
PhD (History)  
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

### Abstract

The article is devoted to the evolution of concepts about irregular forces, their tactics and organization in Russian military theory. The author pays most attention to the period 1850-1910, when the question about the necessary reforms of irregular, especially Cossack regiments was most important. The results of the study are the findings that the term "irregular troops" changed its original meaning, and that the traditional attributing the Cossacks for the irregular troops is not quite correct.

**Keywords:** irregular troops, Cossacks, cavalry, Department of Military Settlements, Directorate of Irregular Troops, N. S. Golitsyn, I. I. Krasnov, M. A. Hasenkampf.

### Введение

Употребляя те или иные термины, особенно если их использование давно стало традиционным, мы не всегда задумываемся о том, что они обозначают. Так, причисление казачества к иррегулярным войскам является общим местом, и в течение длительного времени казачьи части Российской империи находились в ведении Управления (позже – Главного управления) иррегулярных войск Военного Министерства [1]. Многие авторитетные дореволюционные издания, в том числе и официальные, безоговорочно относили казаков к иррегулярам [2]. Однако при доскональном изучении военной литературы конца XIX – начала XX вв. обращает на себя внимание существование альтернативных данной позиции точек зрения.

В 1870 г. Н.И. Краснов, известный военный статистик и будущий генерал, в книге «Военное обозрение земли Донского Войска» высказывал мысль, что донское казачество утратило важнейшие качества иррегулярной кавалерии, поскольку проходит правильное обучение перед службой, а так же обладает строго определенным уставом. С точки зрения Н.И. Краснова донские части следовало относить к кавалерии легкой, так как те функции, которые они выполняли в российской армии, совпадали с функциями зарубежных гусар и уланов. Более того, он полагал, что казаки настолько эффективно справлялись со своими обязанностями, что российские гусары и уланы не могли с ними конкурировать, и после 1815 г. постепенно на практике превратились из легкой кавалерии в кавалерию линейную.

В качестве вывода Н.И. Краснов призывал полностью отказаться от «обыкновенно принятого наименования иррегулярной кавалерии» по отношению к казакам [3].

Нужно отметить, что заметки донского офицера носили в значительной степени полемический характер. Они являлись ответом на замечания анонимного французского автора, цитируемого Н.И. Красновым. Французский военный исследователь, ссылаясь на опыт Крымской войны, утверждал, что казачество утратило прежнюю боеспособность, и в настоящее время неспособно к организации эффективной разведывательной и аванпостовой службы. Причиной этого он считал как раз его фактическую реорганизацию в регулярное войско [4]. Н.И. Краснов, напротив, доказывал, что падение боеспособности казачества связано с отсутствием правильного военного обучения, которое стало заметно в XIX в., когда количество крупных войн значительно упало. По его мнению, следовало не культивировать в казачьих частях архаичные элементы иррегулярности, но официально признать их легкой кавалерией, проведя соответствующие реформы организации и обучения. К 1870 г. ряд мер в этом направлении, особенно в области строевой подготовки, был уже сделан, и Н.И. Краснов выражал надежду, что в будущих войнах приобретшее черты регулярной кавалерии казачество покажет себя куда эффективнее [5].

Существовала и еще одна точка зрения. 1870 гг. стали временем масштабной военной реформы донского казачества, в ходе которой была законодательно зафиксирована, например, централизованная закупка огнестрельного оружия и учрежден приготовительный разряд для подготовки молодых казаков к службе [6]. Е.Е. Волошина, автор первой монографии о участии донских казаков в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., отмечает, что иностранные корреспонденты в это время сравнивали отличившиеся донские части с прусскими уланами, т. е. первоклассной европейской регулярной легкой кавалерией [7]. После войны аналогичные реформы были проведены в других казачьих войсках, в частности, в кубанском [8]. По мнению такого авторитетного издания как «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», эти реформы стали переломным моментом: казачество относилось к иррегулярным войскам только до 1870 гг., после которых перешло в особую категорию войск казачьих [9].

Итак, во второй половине XIX – начале XX вв. на страницах периодической и неперiodической печати велись дискуссии о том, чем являются казачьи части. Достаточно авторитетные авторы и энциклопедические издания предлагали как считать их иррегулярами, так и относить к регулярной легкой кавалерии, или вообще выделять в совершенно особую категорию. Следует отметить, что, как видно из примера с Н.И. Красновым, данный спор не был узко терминологическим: от него зависело будущее казачества, то место, которое казачьи подразделения должны будут занять в реформируемой российской армии. Так что же именно подразумевалось под «иррегулярными войсками» в отечественной военной мысли? Почему столь дискуссионным было положение казачества в системе вооруженных сил Российской империи в конце XIX – начале XX вв.? И почему сейчас проблема соотношения понятий «казачество» и «иррегулярные войска» не привлекает внимания исследователей? В своей небольшой статье мы попытаемся дать некоторые ответы на эти вопросы.

### **Материалы и методы**

Важнейшим источником, позволяющим судить о воззрении высших военных властей на иррегулярные части, являются официальные военные энциклопедии Российской империи, а позже и СССР [10-12]. Мы будем останавливаться на этих изданиях особенно подробно, поскольку заложенные в них определения иррегулярных войск были базовыми для российской официальной военной доктрины соответствующих эпох. «Военный лексикон» и «Энциклопедия военных и морских наук», кроме того, рассматривались своими создателями как настольные книги для недостаточно образованных офицеров, и предполагалось, что изложенные в них определения и доктрины станут общепринятыми в военной среде [13-14]. Таким образом, эти книги не только отражали определенную позицию Военного Министерства, но должны были формировать российскую военную мысль.

Однако реальность оказалась существенно сложнее. У многих донских офицеров на основании личного опыта возникало собственное представление о возможностях казачьих

частей, и оно отнюдь не всегда совпадало с официальным. Несколько подобных авторов, как достаточно высокопоставленных (бывший походный атаман на Кавказе), так находящихся в скромных чинах, сочли возможным опубликовать свои записки на страницах «Военного сборника» в 1860–1870 гг. [15-16], а другие высказывались в неперIODической печати [17]. Далеко не все изложенные подобным образом мнения оказались в итоге приняты, однако некоторые из них имели существенное влияние на эволюцию понятий «казачество» и «иррегулярные войска» в российской военной мысли.

Помимо этих источников, мы будем эпизодически использовать литературу, посвященную участию российской армии в войнах XIX-начала XX вв., а так же документы из Российского военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Мы будем сопоставлять представления о иррегулярных войсках и казачестве, отразившиеся в этих материалах, с помощью историко-сравнительного метода, широко используя проблемно-хронологический принцип изложения.

### Обсуждение

Мы начнем свое исследование с периода правления Николая I, поскольку только тогда был поставлен вопрос о упорядочивании управления иррегулярными войсками. До этого времени не существовало центрального органа, специально занимающегося их делами, иррегуляры не представляли собой какого-либо единства в составе российской армии, а руководство каждой их структурой (например, каждым казачьим войском) было расплывлено между несколькими министерствами [18]. В частности, финансовые отчеты по Донскому войску шли не в Военное Министерство, а в министерство финансов и государственному контролеру [19]. Только в 1833 г. было принято решение, которое на первый взгляд может показаться не самым очевидным: иррегулярные войска, включая казачьи, были переданы в ведение Департамента Военных Поселений [20]. Чтобы понять правительственную логику, мы обратились к «Военному энциклопедическому лексикону», официальной военной энциклопедии Российской империи, вышедшей чуть позже, в 1840 гг. В этом капитальном труде предлагалось использовать термин «иррегулярные войска» для подразделений, не входящих в состав «постоянной и правильно устроенной (регулярной) армии». Выделялось два основных типа иррегулярных войск: «всякого рода ополчения, выставляемые только в случае войны», и части «составляющиеся из разных воинственных народов», которые собирались по требованию правительства (сюда было отнесено и казачество) [21]. Нам бы хотелось акцентировать внимание на том, что, в соответствии с представлениями анонимного автора статьи «Военного лексикона» о иррегулярных войсках, регулярная армия могла быть только постоянной, и любые подразделения, мобилизуемые в случае войны, следовало считать иррегулярами. Обратившись к другим статьям, мы установили, что и они основывались на подобной точке зрения. Так, введение в Пруссии воинской повинности рассматривалось не как инновация, а как возврат к традициям иррегулярного ополчения, к которому причислялся и прусский ландвер (части второй очереди), наряду, например, с русскими ополченцами 1812 г. и испанскими герильяс [22]. В статье о регулярных войсках так же указывалось, что к регулярной армии относятся только те части, которые «содержатся как в мирное, так и в военное время» и проходят при этом строевую подготовку. Там еще раз оговаривалось, что любые формы «ополчения», включая ландвер, к регулярным войскам не относятся [23].

Итак, уже в николаевскую эпоху в российской военной мысли сформировалось актуальное и поныне мнение, согласно которому под названием «иррегулярных войск» объединялись части совершенно различного происхождения и организации, не вписывающиеся в систему регулярной армии. Но при этом термин «регулярная армия» трактовался тогда крайне архаично, в соответствии с реалиями восемнадцатого столетия, когда воинской повинности не существовало. Поэтому и донские казаки, и военные поселенцы, имеющие правильную организацию, но в той или иной степени распускаемые по домам в мирное время, были отнесены в ведение одного органа.

Нам бы хотелось обратить особое внимание на некоторые утверждения, содержащиеся в специальной статье «Военного лексикона» о российских иррегулярных войсках. Ее автор, В.М. Романович, отрицал возможность использования иррегулярной кавалерии в сомкнутом строю и считал ее предназначенной «исключительно (курсив мой. – А.П.) для

исполнения обязанностей форпостной службы и малой войны» [24]. Кроме того, он считал, что в иррегулярной кавалерии могут служить только люди, у которых необходимые навыки сметливости, ловкости, проворства, выносливости и верховой езды развиты с малолетства. Возможность специального обучения этим качествам взрослых людей он полностью отрицал [25]. Как мы покажем ниже, некоторые донские офицеры уже в 1840 г., во время выхода «Военного лексикона», придерживались несколько иных взглядов на возможности казачьей кавалерии, однако их позиция на страницах официальной энциклопедии Военного Министерства отражения не нашла.

Первоначально особого структурного подразделения, ведающего непосредственно иррегулярами, в составе Департамента Военных Поселений создано не было. Не было определено и то, в чем, собственно, должно заключаться общее руководство иррегулярными войсками (на наш взгляд, сколько-либо четкого представления об этом тогда не имели в Военном Министерстве в целом). Только в 1835-1836 гг. было организовано крайне немногочисленное (два стола) отделение иррегулярных войск, и стал постепенно уточняться круг вопросов, за которые оно отвечало. В первые годы в его ведении находилась исключительно военная служба иррегуляров, причем не обошлось без бюрократических ошибок: так, до 1843 г. при передаче казачьей части в состав более крупного общевойскового соединения центральный аппарат Департамента Военных Поселений в известность не ставился, из-за чего в отделении иррегулярных войск не всегда знали, где проходят службу конкретные казачьи части [26]. В области гражданского управления новому органу предоставлялась только надзорная функция и разработка неких «общих мер по благоустройству», более детальная проработка которых осталась в ведении соответствующих министерств [27]. Из этого описания видно, что в Военном Министерстве не сразу поняли специфику управления иррегулярными войсками и недооценивали сложность данной задачи. Предполагалось обойтись крайне малыми силами, а взаимосвязь военной и гражданской составляющей жизни иррегуляров какое-то время фактически игнорировалась. Только в 1837 г. Донскому войску было указано обращаться в Военное Министерство по поводу решения всех гражданских вопросов, имеющих какую-либо связь с военной службой, а так же всех вопросов строительства и капитальных расходов [28]. Поскольку расходы на содержание казачьих частей возлагались не только на имперскую, но и на войсковую казну [29], запрет Донскому войску тратить из нее крупные суммы без разрешения Военного Министерства был достаточно логичен. Тем не менее, даже после этого решения не было принято какого-либо единого закона, четко фиксирующего передачу определенных сфер гражданского управления иррегулярными войсками в ведение Военного Министерства. Вместо этого в 1830–1840 гг. последовал ряд отдельных указов, постепенно расширяющих функции отделения иррегулярных войск. Соответственно возрастал и его штат: к 1858 г. в ведении вице-директора по делам казачьих и иррегулярных войск (должность введена в 1850 г.) было уже два отделения, инспекционное и хозяйственное, в составе шести столов [30].

Нам остается констатировать, что, хотя иррегулярные войска российской армии были организационно объединены в правление Николая I, хаос предыдущих десятилетий не был преодолен окончательно. Об этом же свидетельствуют и приказы Департамента Военных Поселений по Донскому войску: например, финансовую отчетность 9 августа 1839 г. было приказано направлять главному контролеру [31], в сентябре приказ был отменен, и решено передавать отчеты в МВД [32], и только в сентябре 1843 г. отчеты стали посылаться в Военное Министерство [33]. Кроме того, для этого времени была характерна крайняя терминологическая путаница: так, отделение иррегулярных войск стало частью Департамента Военных Поселений, а не наоборот, что было бы логичнее. Вице-директор Департамента Военных Поселений, отвечавший за иррегулярные войска, почему-то получил название вице-директора по делам казачьих и иррегулярных войск, без объяснения, почему казаки были подобным образом выделены из числа прочих иррегуляров. На наш взгляд, к этому времени в российской военной мысли существовало четкое представление о том, что такое регулярные войска, а вот о том, следуют ли относить все прочие части к иррегулярным, или необходимо какое-то дополнительное подразделение, единого мнения не было.

Не было понятно и как максимально эффективно использовать иррегулярные части. В 1859 г. на это обратил внимание генерал-майор Голицын (видимо, Н.С. Голицын, впоследствии генерал от инфантерии, известный российский военный историк), опубликовавший статью с весьма пространством названием «О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности». Он ставил перед собой крайне амбициозную задачу создать первую в России теорию особого применения иррегулярных войск, основываясь на идеях предыдущего периода, прежде всего, изложенных Д.В. Давыдовым. Поэтому мы уделим данной работе особое внимание: хотя и написанная в правление Александра II, она фактически представляла собой систематизацию представлений о иррегулярных войсках, распространенных, но не сведенных воедино в предшествующий период.

Трактовка Н.С. Голицыным термина «партизанские действия» существенно отличалась от ныне принятой. Он считал таковыми операции, направленные на то, чтобы «постоянно охватывать, окружать и тревожить неприятеля, преимущественно действуя на его сообщения и лишая его средств и способов ведения войны». С его точки зрения, партизанские действия впервые в современной военной истории были применены венгерской иррегулярной кавалерией в ходе Силезских войн, причем на территории противника [34]. Таким образом, Н.С. Голицын считал партизанскими аванпостовые и рейдовые операции, независимо от того, выполнялись они партизанами, регулярными или иррегулярными частями. В частности, в списке прусских «партизан» он приводил известных гусарских командиров эпохи Фридриха II, никогда собственно партизанскими частями не командовавших [35].

Н.С. Голицын предлагал сделать «партизанские действия» правилом, ссылаясь на опыт Д.В. Давыдова. Он обильно цитировал выдержки из работ последнего, доказывая, что выделение крупных отрядов легкой кавалерии, занятых исключительно диверсионными и рейдовыми операциями, вполне оправданно, поскольку противник будет вынужден использовать для охраны обозов, борьбы с маневренными группами и проч. гораздо больше солдат [36]. При этом и Н.С. Голицын, и Д.В. Давыдов считали: именно «партизанские действия» должны стать основной задачей российских иррегулярных частей. Д.В. Давыдов обращал особое внимание на то, что казаки, в отличие от европейских гусаров и уланов, сохранили «пылкость и легкость наездников» благодаря «преданиям и воинственным обычаям». Н.С. Голицын шел еще дальше, называя российских иррегуляров «чуждой силой», и утверждая, что, не используя их для «партизанских действий», военные власти «зарывают талант в землю» [37]. Логичным выводом из всего вышеизложенного было предложение снять с российских иррегулярных войск все прочие обязанности, освобождая их для малой войны [38].

Позиции В.М. Романовича, Н.С. Голицына и Д.В. Давыдова объединяли, прежде всего, три общих положения. Во-первых, они считали невозможным или, по крайней мере, неэффективным использование иррегуляров в сомкнутом строю, действия в котором рассматривались как прерогатива регулярной кавалерии. Во-вторых, они предполагали, что иррегулярные части благодаря высоким индивидуальным навыкам солдат лучше всего справляются со вспомогательными разведывательными и форпостовыми операциями. В-третьих, подобные качества иррегулярных войск они приписывали некоей неизменной «традиции» и постулировали, что никакое обучение не должно ее заменить. Однако практический опыт части донских офицеров вступал в противоречие с этими утверждениями. По мере накопления опыта посленаполеоновских войн разница между иррегулярными войсками в представлении части русских военных теоретиков и реальным казачеством все нарастала. Данный процесс достиг максимальной остроты как раз к концу 1850 гг., когда вышла статья Н.С. Голицына, однако его начало восходило еще к 1830 гг., и было связано с деятельностью М.Г. Власова в должности донского атамана.

Дело в том, что для иррегулярных войск, как российских, так и зарубежных, был исторически характерен крайне низкий уровень строевой подготовки [39]. Типичные для иррегуляров высокие индивидуальные военные навыки, на которые обращали внимание Н.С. Голицын и Д.В. Давыдов, в определенной степени позволяли компенсировать данный недостаток. Тем не менее, по мнению М.Г. Власова, опиравшегося на огромный опыт управления казачьими частями в боевых условиях, не стоило идеализировать казаков:

донские полки из-за отсутствия общепринятых команд с трудом выполняли простейшие маневры, а остановить их во время преследования противника было вообще невозможно. Неуправляемость на поле боя существенно снижала боеспособность казачьих частей, и М.Г. Власов считал, что изменить ситуацию может как раз введение правильного военного обучения [40]. С этой целью в 1839 г. был учрежден Донской учебный казачий полк, в котором, первоначально, за неимением специальных уставов, обучение велось по уставам регулярной кавалерии. Несмотря на это, в дальнейшем казаки, прошедшие подготовку в учебном полку, в основной своей массе превосходили тех, кто обучался в станицах в соответствии с «традициями» и «преданиями» [41]. По инициативе М.Г. Власова был разработан и первый специальный казачий устав, принятый уже после его смерти, в 1849 г. Фактически это была переработка устава легкокавалерийского, с сокращениями и некоторым упрощением [42]. Таким образом, пока столичные военные теоретики рассуждали о том, что казаки не нуждаются в правильной военной подготовке, на Дону уже велось обучение, причем по адаптированным уставам регулярной кавалерии, предусматривающим атаку в сомкнутом строю.

Однако М.Г. Власов не находил полной поддержки у казаков, более того, он сам сомневался в эффективности своих реформ, разрушающих старинный порядок службы. Донской атаман не был военным теоретиком, и фактически просто, видя проблемы казачьих частей, пытался разрешать их применением опыта регулярной кавалерии [43]. Поэтому его преобразования носили опытный, а не универсальный характер: в подавляющем большинстве донских частей он так и не рискнул ввести правильное обучение (кроме учебного полка, гвардии и артиллерии) [44]. Та часть казачьей службы, которая касалась закупки снаряжения и лошадей, и вовсе осталась неизменной: никакого контроля не предполагалось, военные власти рассчитывали на традиции и самоорганизацию казаков. В итоге, по оценке Н.И. Краснова, на сборных пунктах во время Крымской войны появлялись не «пыльные и легкие наездники», а «люди, дурно обмундированные, еще хуже вооруженные, и, при всем этом, на дурных конях» [45]. О том, что Н.И. Краснов связывал неудачи казаков в Крымскую войну и с отсутствием у большинства из них качественной строевой подготовки, мы уже писали выше. Еще худшей оказалась ситуация во время Польского восстания: казачьи части выделялись на фоне регулярной армии дурным вооружением, а уровень обучения в станицах упал настолько, что некоторые новобранцы плохо ездили верхом [46]. Между тем на эти необученные и плохо вооруженные части нередко из конкретных тактических соображений возлагались обязанности регулярной кавалерии, а не легких иррегулярных сил [47].

Поэтому опыты М.Г. Власова, к которым до Крымской войны относились как к неким экспериментам, после ее завершения оказались крайне востребованы: с Дона все чаще раздавались голоса, призывающие не надеяться на мифические природные навыки казаков, а ввести для них качественное обучение и упорядочить систему снабжения. Обратившись к «Военному сборнику», мы можем увидеть, что в 1860 гг. почти все статьи на общеказачью и донскую тематику посвящены этим двум вопросам [48]. В частности, уже через год после публикации Н.С. Голицына «Военный сборник» опубликовал статью «О строевом образовании казаков», автор которой скрывался под красноречивым псевдонимом «Есаул». Статья начиналась как раз полемикой с популярным мнением, будто бы «казаков не должно учить, что учение только портит их, убивая в них природные военные качества». Затем автор переходил к опровержению другого тезиса В.М. Романовича, доказывая, что строй всегда предпочтительнее отсутствия строя, и казачество нужно обучать именно действиям в сомкнутом строю [49]. В конечном счете «Есаул» приходил к двум значимым выводам: во-первых, что казачий устав должен быть адаптацией устава легкоконного, без принципиальных отличий, и, во-вторых, что он должен быть существенно легче, поскольку срок пребывания казака в полку куда короче, чем у гусара или улана [50]. О какой-либо уникальности казачества, о его особом предназначении к «партизанским действиям» или малой войне «Есаул» не писал.

Нам бы хотелось обратить особое внимание на один репрезентативный сюжет, активно обсуждавшийся в это время на страницах «Военного сборника». Он связан со своеобразным противопоставлением донских казаков казакам Кавказской линии. Даже «Есаул», который из всех авторов решительнее всего ратовал за приближение казаков к регулярной

кавалерии, признавал, что его предложения менее всего актуальны для черноморских и кавказских частей. По его мнению, они единственные сталкивались с неприятелем в повседневной жизни, и поэтому неизбежно получали необходимую военную подготовку [51]. Но наиболее развернутое сопоставление донских и линейных казаков принадлежит И.К. (по-видимому, И.И. Краснову) который на основании собственного опыта походного атамана на Кавказе обращал внимание на принципиально различные достоинства казачьих частей, зависящие от того, каким войском они выставлялись. Он признавал, что линейцы существенно превосходят донцов в верховой езде и точности стрельбы, однако отмечал крайнюю затрудненность их использования большими отрядами: донские полки были куда способнее к «совокупному движению» перед лицом неприятеля. Это их качество И.И. Краснов связывал с некоторым знакомством с общекавалерийскими уставами, благодаря деятельности М.Г. Власова, в то время как кавказцам и черноморцам уставы регулярной кавалерии были неизвестны вовсе. В целом И.И. Краснов приходил к выводу, что линейные казаки лучше подходят для службы малыми командами, а достоинства казаков донских проявляются во время действий целыми полками [52].

И.И. Краснов объяснял, почему донские казаки в изменившихся условиях не могли состязаться с линейцами в индивидуальных навыках верховой езды. Он выделял три причины этого: во-первых, в донских станицах постепенно сошла на нет традиция обучения детей не просто верховой езде, но тем ее элементам, которые были полезны в бою, во-вторых, донцы обычно покупали необученных лошадей непосредственно перед выходом на службу, в то время как линейцы выезжали их в течение нескольких лет до этого, и, в-третьих, в снаряжение донских частей входила пика, значительно усложнявшая выполнение сложных элементов верховой езды [53]. Он, впрочем, надеялся, что подобным навыкам казаков станут обучать до призыва на службу. Таким образом И.И. Краснов предполагал совместить в донцах достоинства как регулярных войск (дисциплину, быстрое выполнение приказов) так и войск иррегулярных (высокую индивидуальную выучку, традиционные тактики боя) [54]. Мы видим, что правильное обучение казаков, предложенное М.Г. Власовым как дополнительная мера для повышения управляемости казачьих частей, к 1860 г. стало уже насущной необходимостью для Донского войска: донские полки больше не состояли из тех «пылких и легких всадников», о которых писал Д.В. Давыдов, и годились для «партизанской войны» в определении Н.С. Голицына куда хуже, чем части линейцев, сохранивших традиционные достоинства легкой иррегулярной конницы. Недостатки донских частей нужно было чем-то компенсировать, и это «что-то» предполагалось заимствовать у регулярной кавалерии.

В работах донских авторов вопрос о максимально эффективном применении казачьих частей оставался дискуссионным. Идеи Н.С. Голицына и его предшественников не находили в николаевскую эпоху практического воплощения, и как во время подавления венгерского восстания, так и в ходе Крымской войны тактика «малой войны» фактически не применялась [55]. Между тем, как ясно из вышеизложенного, только небольшая часть донских казаков до 1860 г. училась по уставам в Новочеркасском учебном полку, и в действиях в сомкнутом строю донцы хотя и превосходили линейцев, но уступали регулярной кавалерии. В результате на казачьи части возлагались самые простые и наименее престижные задачи: охрана обозов, эскорт арестантов, обязанности конюхов и т.п. [56] Это вызывало недовольство у донских авторов, но оптимальный вариант использования казаков они видели совершенно по-разному: «Есаул» призывал применять их прежде всего в сомкнутом строю, как и регулярную кавалерию [57], И.И. Краснов считал, что следует совмещать строевое и индивидуальное обучение [58], а И. Дукмасов советовал, введя правильное обучение, делать акцент на традиционных индивидуальных навыках, поскольку в строю, из-за качества лошадей, казаки в любом случае будут уступать регулярной кавалерии [59].

Одновременно с обсуждениями в периодической печати происходило изменение центрального управления иррегулярными войсками. Нужно отметить, что его первопричиной послужили не какие-то военно-теоретические расчеты, а упразднение военных поселений. К 1857 г. в подчинении Департамента Военных Поселений остались только иррегулярные войска. В Военном Министерстве уже понимали, что для поддержания высокой боеспособности казачьих частей требуется контролировать не только их военную

службу, но и гражданскую жизнь, поэтому вариант с возвратом к исторической системе, когда управление иррегулярными войсками распределялось по нескольким министерствам, был отвергнут [60]. Созданный в итоге орган, получивший название Управления иррегулярных войск, значительно превосходил по количеству сотрудников прежнее отделение иррегулярных войск, а его полномочия были существенно расширены: Военное Министерство довело до логического завершения соединение в одном месте всех дел по управлению иррегулярными войсками, как гражданских, так и военных [61]. Реальность, однако, показала, что и этого штата не достаточно: в 1867 г. Управление иррегулярных войск не только было переименовано в Главное Управление, но число отделов в нем было увеличено с трех до пяти [62]. Только после этого увеличения числа сотрудников аппарат центрального управления иррегулярными войсками обрел относительную стабильность.

Зато этого нельзя было сказать о названии органа, иррегулярными войсками занимавшегося. В 1879 г. Главное Управление Иррегулярных войск было переименовано в Главное Управление казачьих войск, без какого-либо изменения штата или функций [63]. Судя по всему, к этому времени точка зрения, согласно которой казачьи части не больше не являются иррегулярными, если не стала общепринятой, то, по крайней мере, обрела широкую поддержку в рядах российского офицерства. Донские полки с 1860 гг. вводились в состав кавалерийских дивизий [64], к началу 1880 гг. для них уже не писалось специальных уставов на основе принятых в регулярной кавалерии, но к обычным уставам делались дополнения для казаков [65]. О значении военных реформ казачества в 1870 гг. мы писали в начале нашей статьи. И, когда в 1880 гг. на смену «Военному лексикону» в качестве официального военного словаря Российской империи пришла «Энциклопедия военных и морских наук», современные казачьи части в ней уже не рассматривались как иррегулярные.

Автор соответствующей статьи «Энциклопедии военных и морских наук», генерал-майор, профессор Николаевской академии Генерального Штаба М.А. Газенкампф, впоследствии генерал от инфантерии и астраханский губернатор, предлагал считать иррегулярными войсками «те, которые не имеют правильной военной организации и обучения, или же устроены разнообразно, но по особым уложениям, резко отличающимся от установленных для регулярных войск». К иррегулярам он относил казачье ополчение, но не строевые и льготные казачьи части своего времени. С его точки зрения для некоторых иррегулярных войск были характерны высочайшие индивидуальные навыки солдат, однако отсутствие дисциплины в значительной степени сводило на нет данное достоинство. М.А. Газенкампф даже утверждал, что иррегулярные отряды крупной численности приносили больше вреда, чем пользы, за исключением народных войн. По его мнению, большая часть не уничтоженных иррегулярных войск была «регуляризирована» (мы не знаем, подразумевалось под этим причисление казаков к регулярной кавалерии или выделение их, как в словаре Брокгауза-Ефрона в отдельную особую категорию) [66]. На наш взгляд, по сравнению с «Военным лексиконом» определение иррегулярных войск и не изменилось, и поменялось в корне: данный термин все так же употреблялся для обозначения частей, не подходящих под стандарты регулярной армии, но определение регулярной армии давалось совсем иное. Теперь к ней, согласно соответствующей статье, относили войска «имеющие правильную военную организацию и получающие основательное военное обучение». Только в качестве дополнительного признака российских регулярных войск все еще рассматривалось круглогодичное (постоянное) нахождение в строю и служба в соответствии с Уставом о воинской повинности [67]. Казачьи части как бы оказывались в подвешенном положении: наличие правильной организации и достроевой подготовки не позволяли отнести их к иррегулярам, но то, что они призывались на службу в соответствии с особым уставом, не вполне совпадающим с Уставом о всеобщей воинской повинности, вызывало сомнения и в возможности причислить их к регулярным войскам. Соответствующие статьи «Энциклопедии военных и морских наук» не дают однозначного ответа, куда следовало относить подразделения, формируемые в соответствии с особыми уставами, а не общеимперским.

М.А. Газенкампф попытался ввести для термина «иррегулярные войска», пусть и не вполне последовательно, хронологические рамки. Хотя почти любое европейское средневековое войско не имело правильной военной организации и обучения,



М.А. Газенкампф постулировал, не приводя каких-либо аргументов, что иррегулярные войска начали играть значительную роль только с XVII в. [68]. При всей кажущейся нелогичности подобного мнения, оно представляется нам достаточно интересным. Смысл выделять иррегулярные войска в особую категорию появился только после того, как получили широкое распространение войска регулярные, а это произошло как раз в XVII в. [69]. Следует отметить так же попытку составить список иррегулярных войск европейских держав, существовавших к моменту создания «Энциклопедии военных и морских наук». М.А. Газенкампф хотя и относил части, мобилизуемые в случае войны, к регулярной армии, все виды ополчения причислял к иррегулярам, несмотря на то, что немецкий ландштурм, например, имел относительно четкую организацию [70], и состоял в основной своей массе из лиц, отслуживших в армии полный срок [71]. Но М.А. Газенкампф не считал нужным обращать внимание на разницу между ополчением организованным, как, например, в Германии, и ополчением, не имеющим организации даже на бумаге, как в Греции и Турции [72]. Мы полагаем, что в данном случае М.А. Газенкампф следовал традиции, восходящей еще к «Военному лексикону», хотя в большинстве других моментов с ней порвал: авторы николаевской эпохи так же относили любое ополчение к иррегулярам.

Остается констатировать, что определение иррегулярных войск, введенное «Энциклопедией военных и морских наук», по сравнению с прежним вариантом обладало еще большей неопределенностью. Вторая половина этого определения предполагала, что иррегулярной может считаться любая часть, устроенная по особому уложению, а под эту формулировку можно было подвести почти любое подразделение, в том числе и регулярной армии. На наш взгляд, тут сказывалось влияние эпохи: прежнее понятие термина «иррегулярные войска» из-за эволюции военного дела стало несостоятельным, а новое общепринятое мнение только складывалось.

Таким образом, по итогам сначала дискуссий в периодической печати, а затем последовавших за ними реформ, казачество в эпоху Александра II заняло промежуточное место между регулярной и иррегулярной кавалерией. Некоторые донские офицеры, в частности, И.И. Краснов, Н.И. Краснов, И. Дукмасов, рассчитывали, что реформированные казачьи части сумеют совместить достоинства регулярных солдат и иррегуляров, и предлагали различные формы этого совмещения. Однако их предложения оказались не востребованы, в том числе и по объективным обстоятельствам. К 1880 г. начали падать индивидуальные боевые навыки не только у донского, но и у кубанского казачества [73]. Предложения И.И. Краснова о внимании к развитию индивидуальных навыков во время достроевой подготовки не удалось реализовать в полной мере. По мнению А.Н. Малукало, те немногочисленные меры, которые предпринимались в этом направлении, носили в значительной мере абсурдный характер: казаков пытались учить, в частности, «удальству» [74]. С нашей точки зрения, большее значение имел крайне короткий срок подготовки: на обучение в приготовительном разряде отводилось только 24 дня занятий в станицах и 21 день лагерных сборов [75]. Превратить за это время всех казаков, некоторые из которых уже к началу Польского восстания плохо ездили верхом, в «пылких и легких наездников» прежнего времени было в принципе невозможно, независимо от качества предложенных программ.

Поэтому возобладала иная точка зрения на роль казачьих частей, которую высказывал, например, «Есаул». Он утверждал, что децентрализованно закупающие снаряжение и обучающиеся в течение более короткого срока казачьи части неизбежно должны были быть хуже обучены и снаряжены, чем регулярная кавалерия. Однако «Есаул» отказывал казакам в возможности какого-то особого, отличного от регулярной кавалерии пути развития [76]. Таким образом, хотя об этом и не писалось прямо, казачество в силу своей организации превращалось в «ухудшенный» вариант регулярной кавалерии. До нас схожую мысль озвучил А.Н. Малукало, по мнению которого единственным значимым плюсом реформированных казачьих частей оказалась их дешевизна, и рано или поздно Военное Министерство ликвидировало бы их или окончательно объединило с регулярной кавалерией, уничтожив остатки прежней организации [77].

Отметим, что не только казачество приближалось к регулярной кавалерии, но и последняя развивалась по пути все большей унификации. В частности, в 1882 г. были ликвидированы армейские гусары и уланы [78]. Между тем функции легкой кавалерии кто-то должен был выполнять, и на практике они были возложены на казаков, причем не только

по военным, но и по организационным соображениям. Приведем слова анонимного автора начала XX в.: «Пребывание казачьих подразделений в составе регулярной конницы приводит к эксплуатации казаков драгунами. Казаков посылают в рейды, разведки, посыльными, так как они «способнее к этой службе, а лошади у них собственные и привычные» (курсив мой – А.П.). Поэтому к окончанию маневров казачий конный парк измучен и заморожен» [79]. Все возрастающая унификация казачьих частей с регулярной кавалерией вступала в противоречие с реальным использованием казаков в мирное время.

Уже русско-турецкая война 1877-1878 г. вскрыла некоторые проблемы реформированного казачества. Н.С. Голицын был прав в одном из своих предположений: к ее началу российская армия оказалась не подготовлена к «партизанским действиям» даже в тех рамках, которые были абсолютно необходимы. Такой апологетически настроенный к Российской империи автор, как А.А. Керсновский, признавал, что в эту войну кавалерия совершенно не справлялась с разведывательными задачами, и российская армия двигалась «как в потемках» [80]. П.А. Зайончковский уточнял, что другим важнейшим недостатком российской кавалерии являлась плохая выучка при стрельбе с лошади [81]. Мы помним, что, по мнению И.И. Краснова, для действий малыми отрядами, разведывательной и аванпостовой службы лучше всего подходили кубанские казаки, к тому же превосходящие донцов в умении верховой езды. Однако на практике никакой специализации не было, и в аванпосты по организационным соображениям часто направлялись даже не донские казаки, а драгуны, сама амуниция которых препятствовала маневренному одиночному бою [82]. Оказалось утрачено традиционное представление о разделении ролей регулярной и казачьей кавалерии: еще в эпоху наполеоновских войн сильной стороной российской армии была именно разведка, осуществляемая казаками [83].

Однако Военное Министерство по итогам войны обратило внимание не столько на неудачи российской кавалерии при несении разведывательной службы, сколько на ее успехи при действиях крупными отрядами. После 1878 г. было признано неверным использование кавалерийских частей в качестве вспомогательной силы, и предложено формировать кавалерийские корпуса (от этого отказались по финансовым, а не военным причинам) [84]. Казачество в ходе боевых действий достаточно эффективно зарекомендовало себя в составе крупных кавалерийских соединений (казаки, в частности, принимали участие в рейде на Адрианополь [85]), а те органические недостатки организации казачьих частей, на которые указывали И. Дукмасов и даже «Есаул», не были выявлены в ходе подобных действий. В результате в военных кругах сложилась иллюзия о равноценности казачьей и регулярной кавалерии, которую разрушила только русско-японская война 1904-1905 гг.

Мы посвятили ее событиям отдельную статью [86], некоторые положения которой имеет смысл привести здесь. Важнейшей особенностью этой войны стало то, что по политическим и экономическим соображениям Военное Министерство отправляло на театр военных действий главным образом казачьи части, которые составили там абсолютное большинство. В результате их широко применяли не только для вспомогательных, разведывательных и форпостных действий, но и в качестве самостоятельной ударной силы. Эффективность массового использования казаков в полном смысле слова наравне с регулярной кавалерией, однако, оказалась сомнительной. В частности, подтвердилось предостережение И. Дукмасова: казачьи кони, покупаемые в частном порядке, намного уступали коням регулярной кавалерии, что можно было компенсировать за счет навыка верховой езды при индивидуальных действиях, но не при атаке в сомкнутом строю [87]. Авторы вышедшей вскоре после войны 1904-1905 гг. «Военной энциклопедии» издательства И.Д. Сытина указывали, что казачьи льготные части, особенно зауральских войск, были раскиданы по огромной территории, и в мирное время уже поэтому не могли получать подготовку для действий в составе крупных отрядов [88]. В результате эффективнее всего казаки проявили себя в ходе вспомогательных операций, защищая растянутые коммуникации русской армии, а наиболее провальными оказались попытки использовать их для атаки неприятельских укреплений.

В этих условиях мнение о промежуточном положении казачества между регулярными и иррегулярными частями постепенно сходило на нет. Чтобы понять новые воззрения на соотношение регулярных, иррегулярных и казачьих войск, обратимся к «Военной энциклопедии». К сожалению, она осталась не завершенной, и том со статьей про

регулярную армию так и не вышел. Статья про казачество, как и в случае с «Энциклопедией военных и морских наук» не содержит однозначных утверждений о том, следует ли относить казачьи части к регулярной армии. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на материале о иррегулярных войсках, которое дает это издание, тем более, что в нем содержатся ответы на основные интересующие нас вопросы. Нужно сказать, что основная концепция М.А. Газенкампа была дополнена анонимным автором, но в основных моментах сохранена, а некоторые отрывки из соответствующей статьи «Энциклопедии военных и морских наук» даже воспроизводились дословно. Было оставлено, в частности, двойное значение термина «иррегулярные войска»: иррегулярами предлагалось считать как части, «не имеющие правильной организации», так и части, «по комплектованию, организации и обучению существенно отличающиеся от регулярных войск» [89]. Отметим, что в первом определении исчезло упоминание о отсутствии у иррегуляров правильной военной подготовки, возможно, потому, что с развитием массовых армий резко выросло число получивших ее людей. Так, в России 1874-1917 гг. через регулярную армию проходило около ¼ мужчин призывного возраста, при том, что, по мнению А.А. Керсновского, Военное Министерство предоставляло слишком много льгот населению, дающих освобождение от службы [90]. Соответственно, в изменившихся условиях любое ополчение или партизанское движение в Европе включало бы в себя существенную долю лиц, прошедших военную подготовку в армии. Во втором определении было уточнено, что подразумевается под «особыми уложениями», отличающими правильно организованные, но все же иррегулярные войска от регулярных. Предлагалось считать, что иррегулярные части должны иметь *одновременно* особые системы комплектования, организации и обучения. Казачьи войска, хотя и «комплектуемые и организуемые на особых началах», было прямо указано считать частью регулярной армии [91]. Кроме того, правильно организованные ополчения перестали считаться иррегулярными войсками, все упоминания о них были исключены, и список государств, в которых существовали иррегулярные части на момент написания статьи, был ограничен Россией, Турцией и «некоторыми другими», неназванными государствами [92] (у М.А. Газенкампа он включал все европейские державы, поскольку в них существовало ополчение [93]).

Если «Военный лексикон» предлагал читателю маленькую анонимную заметку о иррегулярных войсках вообще и развернутый текст В.М. Романовича о российских иррегулярах в частности, то «Энциклопедия военных и морских наук» ограничилась одной объединенной статьей М.А. Газенкампа, а в «Военной энциклопедии» вообще дали по этой теме небольшой не подписанный материал. Вопрос о иррегулярных войсках в российской военной мысли с середины XIX в. постепенно утрачивал актуальность, и к 1910 г. иррегуляры считались не особым козырем российской армии, а чем-то отживающим, архаичным, упраздненным в первоклассных европейских государствах. К казачеству теперь в полной мере применялись те же требования, что и к регулярной кавалерии. В 1910 г. это нашло свое отражение в упразднении органа, некогда именовавшегося Главным Управлением иррегулярных войск. Остановимся на этой реформе более подробно, поскольку она была важнейшим шагом по еще большему сближению казачества и регулярной кавалерии.

Решение о ликвидации Главного Управления казачьих войск было принято в 1909 г. Важнейшей его причиной стало желание Генерального Штаба уничтожить обособленность казачества внутри российской армии, когда все дела по его организационным, учебным, интендантским и прочим вопросам решались не через соответствующие управления Генерального штаба, а через Главное Управление казачьих войск [94]. Фактически речь шла о кардинальном пересмотре системы, введенной еще при Николае I: отрицалась необходимость какого-либо центрального органа, специально управляющего военной стороной жизни казачества. Хотя вокруг полномочий новосоздаваемого Казачьего отдела Генерального штаба развернулась дискуссия, все ее участники признавали тот факт, что за ним останется преимущественно управление гражданской жизнью казачьих войск. В итоге с 1910 г. устройство и управление строевыми казачьими частями, обучение казаков и их мобилизация были переданы в ведение Главного управления Генерального штаба, который обладал аналогичными полномочиями и по отношению к регулярным подразделениям [95]. Заслуживает внимания, что некоторые казачьи деятели рассматривали подобное решение

как подготовку к полному упразднению казачьих войск как особого организационного единства. При этом наибольшее опасение у них вызывало именно то, что офицеры Главного Управления Генерального штаба не знают специфики собственно казачьей службы, и будут рассматривать казачьи части как обычные кавалерийские [96].

Итак, к началу XX в. были отвергнуты не только романтические представления Н.С. Голицына и В.М. Романовича о том, что казаков не надо ничему учить, а они сами по себе образуют уникальный по своему качеству вид иррегулярной кавалерии, но и более осторожные взгляды некоторых донских офицеров 1850-1870 гг. Отрицалась возможность особого пути эволюции казачества, отличного от регулярной кавалерии, и, в связи с этим, необходимость функционирования особого органа, отвечающего за боеспособность исключительно казачьих войск. А.Н. Малукало, на наш взгляд, недооценивает боеспособность казачьих частей того времени, утверждая, что единственным их достоинством оставалась дешевизна, но он прав в главном: в рамках эволюции российской военной мысли логическим финалом истории казачества было полное слияние с регулярной армией.

Завершая данный сюжет, отметим, что подобное изменение взглядов на место казачества в российских вооруженных силах не привело к каким-либо значительным позитивным результатам. Н.В. Рыжкова в своей монографии о участии донских казаков в войнах 1900-1910 гг. оценивает их успехи крайне высоко, как в плане традиционной «малой войны», так и при кавалерийских атаках неприятеля [97]. Но ее утверждения касаются локальных успехов отдельных донских полков и сотен. Если же брать российскую кавалерию в целом, включая казачьи части, то в 1916 г. только 7 % ее численности действовали в конном строю, выполняя задачи охраны и разведки, 43 % были выведено в резерв, а 50% заменяли пехотные подразделения в окопах [98]. «Советская военная энциклопедия» утверждает, что важнейшей причиной неудач российской кавалерии была ее неправильная подготовка, с акцентом на атаку в сомкнутом строю [99]. Находить место таким действиям на поле боя было все сложнее. Н.В. Рыжкова фактически подтверждает этот факт, отмечая возросшую роль донской артиллерии и действий спешенных казаков [100]. Роль регулярной кавалерии стремительно падала, ее численность даже без учета казачьих частей была избыточной. История не знает сослагательного наклонения, но, возможно, все-таки идеи И.И. Краснова и И. Дукмасова заслуживали большего внимания, и, пусть сохранить прежние высочайшие индивидуальные навыки боя у казаков не представлялось возможным, стоило не унифицировать их подготовку с регулярной армией, а попытаться оставить в неприкосновенности историческую специализацию казачества на разведывательных и форпостовых действиях. Этот вариант мог бы оказаться особенно эффективным, поскольку, как мы показали выше, регулярную кавалерию готовили в основном к атаке противника в сомкнутом строю, а на фронте к 1916 г. наиболее востребована была аванпостовая служба.

С падением Российской империи были ликвидированы последние иррегулярные подразделения Кавказа и Средней Азии. Вскоре перестало существовать и казачество как особым образом организованная часть российской армии. Вопрос о максимально эффективном управлении и использовании иррегуляров сам по себе сошел на нет, полностью переместившись со страниц военных журналов и докладных записок в тексты энциклопедий. Единственная масштабная военная энциклопедия этого периода, «Советская военная энциклопедия», начала выходить только в 1970 г., и к этому времени и проблема двойственного положения казачества, и многие теоретические наработки российских офицеров были забыты. Впрочем, анонимный автор соответствующей статьи по существу сохранил двойственность определения М.А. Газенкампа: иррегулярными предполагалось считать и «войска, не имеющие единой, постоянной организации» и «войска, по комплектованию, прохождению службы, обучению, вооружению и обмундированию значительно отличающиеся от регулярных воинских частей» [101]. Но как раз дополнения, внесенные во второе определение по сравнению с «Военной энциклопедией», были крайне неудачны, поскольку различия в вооружении и обмундировании различных воинских подразделений могли встречаться и в регулярных войсках. Еще более существенной ошибкой являлся отказ от предложенных М.А. Газенкампом хронологических рамок. «Советская военная энциклопедия» предлагала начинать историю иррегулярных войск с самых древних времен, с «конницы ассирийцев, египтян, персов» [102]. При этом статья,

посвященная регулярной армии, относила ее появление к XVII–XVIII вв. [103] Что касается армий более раннего периода, то какой-либо систематики для них не было предложено, но автор статьи «Иррегулярные войска» почему-то утверждал, что в средние века к иррегулярам относились только легкая конница и пехота, без объяснений, чем они принципиально отличались от тяжелой кавалерии. Таким образом, и без того крайне расплывчатый термин еще более утрачивал определенность [104]. Единственной удачей «Советской военной энциклопедии» являлась попытка уточнить, какие именно особенности комплектования и военной организации были свойственны иррегулярным войскам. Согласно анонимному автору статьи, иррегулярные войска формировались из «местных жителей, которые, как правило, несли службу, имея собственную одежду, вооружение и верховых лошадей» [105]. В любом случае, по мнению «Советской военной энциклопедии», история иррегулярных войск подошла к концу: последние из них были упразднены после Первой мировой войны [106]. К их числу относилось и казачество, которое, в отличие от дореволюционных энциклопедий, предлагалось считать иррегулярным вплоть до 1917 г. [107].

В настоящее время термин «иррегулярные войска» стал несколько более актуален, чем в советский период. В определенной степени здесь можно усмотреть американское влияние: министерство обороны США с 1990 г. активно использует понятие «irregular forces» (иррегулярные силы), которое обозначает совокупность террористов (terrorists), инсургентов (insurgents), партизан (guerillas), борцов за независимость (independent actors), преступников (criminals), а так же сочувствующих этим группам, как активных (active supporters), так и пассивных (passive supporters) [108]. Синонимом этого понятия в российской военной мысли неожиданно стал термин «иррегулярные войска», хотя его традиционное значение с американским новообразованием имеет мало общего. Тем не менее, он употребляется в новом значении Министерством обороны Российской Федерации, когда речь идет о международных учениях. В частности, в 2015 г. на совместных учениях КСОР ОДКБ «Взаимодействие-2015» «отрабатывалось противодействие иррегулярным войскам противника, которые пытаются захватить важные государственные и военные объекты, уничтожают представителей органов местной власти, совершают теракты, дестабилизируют обстановку в целом и создают таким образом условия для ввода своей группировки вооруженных сил» [109]. В 2011 г. проводились совместные учения с монгольской армией на тему «Планирование совместной контртеррористической операции с блокированием и уничтожением иррегулярных вооруженных формирований» [110]. Однако в военных энциклопедиях сохраняется прежнее, традиционное определение иррегулярных войск, восходящее к XIX в. Например, «Военный энциклопедический словарь» предлагает считать иррегулярными «войска, не имеющие единой, постоянной организации или отличающиеся от регулярных войск порядком комплектования, прохождения службы и т.п.» [111]. Можно сделать вывод, что, хотя утверждение о исчезновении иррегулярных войск после Первой Мировой войны оказалось отвергнутым, и эпизодически «иррегулярными» называются партизанские и террористические отряды [112], подобное словоупотребление в современной России носит не более чем эпизодический характер. Соответственно, потеряли всякую актуальность и столь занимавшие авторов середины XIX в. проблемы выбора оптимальной тактики и организации иррегулярных войск: Министерство обороны Российской Федерации рассматривает иррегуляров преимущественно в качестве возможного противника, а не потенциального усиления российской армии.

### **Выводы**

В истории российской военной мысли термин «иррегулярные войска» имел не менее трех значений. В эпоху Николая I он обозначал все подразделения, не имеющие правильного устройства или не служащие в мирное время. В категорию иррегулярных войск попадали самые разные части, от мобилизуемого в случае войны ландвера до партизан. О российских иррегулярах, представленных в первую очередь казачеством, тогда господствовала весьма странная точка зрения, разделяемая такими авторитетами, как Н.С. Голицын и даже Д.В. Давыдов. Считалось, что казаки просто в силу происхождения превосходят регулярные части в малой или «партизанской» войне, причем никакое обучение им не нужно. Бытовало даже мнение, разделяемое и некоторыми зарубежными авторами, что правильная организация будет только вредить казакам, ослабляя их боеспособность. В то же время

подготовки к малой войне не велось, и в системе вооруженных сил российской армии казаки, к возмущению донских офицеров, нередко использовались для выполнения самых неприятных обязанностей, вроде конвоирования пленных.

Только во второй половине XIX в., с распространением всеобщей воинской повинности, приблизительно сформировалось традиционное для российской военной мысли представление о иррегулярных войсках. Однако оно изначально было двойственным и неточным, предлагая причислять к иррегулярам как части, не имеющие правильной организации, так и части, служащие по особым уложениям, резко отличающим их от регулярной армии. Из-за этого в различные периоды к иррегулярам могли как относить, так и не относить ополчение и партизан. Более того, возобладало мнение, согласно которому не все не-регулярные части следовало считать иррегулярными. В частности, особой категорией могли считаться казаки, правильно организованные, но служащие по особым уложениям. Некоторые авторы, например И.И. Краснов и И. Дукмасов, предполагали, что казачество будет эволюционировать именно в этом направлении, заняв промежуточное положение между регулярными войсками и иррегулярной конницей. Признавая необходимость военного обучения, они предлагали сохранить нацеленность казаков на индивидуальный бой и выполнение вспомогательных задач, допуская атаку в сомкнутом строю, но считая, что тактика казаков, в отличие от регулярной кавалерии, не должна основываться на ней. Однако возобладала иная точка зрения, предполагавшая максимальную унификацию российской кавалерии.

В результате в начале XX в. казачьи части уже считались регулярными, а к иррегулярным войскам относили только кавказские и среднеазиатские милиции. Были упразднены специальные центральные органы, отвечающие за военную организацию казаков, а их функции были переданы Главному управлению Генерального штаба. В то же время специфическая организация казачьих войск препятствовала обучению действиям крупными отрядами, а так же закупке качественного конного парка. После русско-японской войны 1904-1905 г. Военное Министерство двигалось в направлении полного слияния казачьей и регулярной кавалерии, но новый статус казачества не был по настоящему закреплен успехами на поле боя. Возможно, именно поэтому в советский период казачья кавалерия конца XIX-начала XX вв. не выделялась в особую категорию и рассматривалась как иррегулярная. Впрочем, из-за ликвидации иррегулярных войск в СССР какой-либо актуальности данный вопрос уже не имел.

Наконец, в настоящее время ситуацию запутало появление термина «иррегулярные силы» в американской военной доктрине. Теперь понятие «иррегулярные части» используется Министерством обороны Российской Федерации и в традиционном смысле, и для обозначения террористических формирований на международных учениях. Может показаться, что эта путаница и многозначность означает: термин «иррегулярные войска» полностью утратил сколько-либо определенное значение и устарел. Однако, как мы убедились, без знания ситуации вокруг него трудно понять двойственность положения казачьих частей в российской армии в конце XIX-начале XX вв., сложно уяснить дискуссии вокруг их тактики. Мы полагаем, что рассмотрение термина «иррегулярные войска» в историческом контексте, изучение истории казачества с учетом сменявших друг друга представлений о иррегулярных/казачьих/регулярных подразделениях и их функциях является более перспективным, чем простое противопоставление регулярных и иррегулярных подразделений, граница между которыми, как мы выяснили, совсем не очевидна.

#### **Примечания:**

1. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. М.: изд. МГУ, 1952. С. 48.
2. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855-1880 гг.). Т. III. СПб.: тип. Стасюлевича, 1879. С. 223.
3. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Военная типография, 1870. С. X.
4. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIII.

5. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIII-XVI.
6. Перетятко А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 91-184.
7. Волошина Е.Е. Действия донских казаков в первых боевых операциях русской армии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 971. URL: <http://hses-online.ru/2014/02/213.pdf>
8. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар: Кубанькино, 2003. С. 97.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 13. СПб.: тип. И.А. Ефрона, 1894. С. 346.
10. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. 1-14. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1842-1850.
11. Энциклопедия военных и морских наук. Т. I-VIII. СПб.: тип. В. Безобразова, 1883-1897.
12. Советская военная энциклопедия. Т. 1-8. М.: Воениздат, 1976-1980.
13. Военный энциклопедический лексикон... Ч. 1. С. I-II.
14. Энциклопедия военных и морских наук. Т. I. С. I-III.
15. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73-89.
16. Есаул. О строевом образовании казаков // Военный сборник. 1860. № 10. С. 333-360.
17. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска.
18. Столетие военного министерства. 1802-1902. СПб.: Синодальная типография, 1902. Т. XI. Ч.1. С. 152.
19. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 491. Л. 93-94.
20. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. С. 267.
21. Военный энциклопедический лексикон... Ч. 6. С. 159.
22. Военный энциклопедический лексикон... Ч. 8. С.46-48.
23. Военный энциклопедический лексикон... Ч. 11. С. 325-326.
24. Военный энциклопедический лексикон... Ч. 6. С. 160.
25. Военный энциклопедический лексикон... Ч. 6. С. 160.
26. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 513. Л. 26.
27. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. С. 267-270.
28. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. С. 270.
29. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 18-19.
30. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. С. 270-279.
31. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 491. Л. 93-94.
32. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 491. Л. 104.
33. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 513. Л. 34.
34. Генерального штаба г-м князь Голицын. О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности // Военный сборник. 1859. № 7. С. 44.
35. Генерального штаба г-м князь Голицын. О партизанских действиях... С. 45.
36. Генерального штаба г-м князь Голицын. О партизанских действиях... С. 55-56.
37. Генерального штаба г-м князь Голицын. О партизанских действиях... С. 55.
38. Генерального штаба г-м князь Голицын. О партизанских действиях... С. 57.
39. Artyom Y. Peretyatko. Eastern European Irregular Troops in the XVIII Century: Crisis and Evolution // Военный сборник. 2015. Vol.(10), Is. 4. P. 183.
40. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 74-75.
41. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 75-77.
42. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 75.

43. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 74.
44. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIV.
45. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XV.
46. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 79.
47. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIV.
48. Систематический указатель Военного сборника за 1858-1890 гг. СПб.: тип. Департ. Уделов, 1891. С. 49.
49. Есаул. О строевом образовании казаков. С. 334.
50. Есаул. О строевом образовании казаков. С. 340-342.
51. Есаул. О строевом образовании казаков. С. 338.
52. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 80-81.
53. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 81-83.
54. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 86-88.
55. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XV.
56. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XV.
57. Есаул. О строевом образовании казаков. С. 334.
58. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске. С. 86-88.
59. Есаул Дукмасов 1-й. Современное военное образование казаков // Военный сборник. 1870. № 12. С. 324-326.
60. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1.С. 400-402.
61. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. С. 403-404.
62. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. С. 422.
63. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. С. 427.
64. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб.: Товарищество Голике и Вильборг, 1909. С. 478.
65. Дополнение к строевым кавалерийским уставам для казаков. СПб., 1884. С. 2-6.
66. Энциклопедия военных и морских наук. Т. III. С. 380.
67. Энциклопедия военных и морских наук. Т. VI. С. 286.
68. Энциклопедия военных и морских наук. Т. IV. С. 380.
69. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии // История войн и военного искусства. СПб.: Полигон, 2000. С. 127.
70. Энциклопедия военных и морских наук. Т. IV. С. 380.
71. Энгельс Ф. Армии Европы // Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. М., СПб.: Эксмо, Terra Fantastica, 2003. С. 238.
72. Энциклопедия военных и морских наук. Т. IV. С. 381.
73. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг. С. 97-105.
74. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг. С. 99.
75. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг. С. 99.
76. Есаул. О строевом образовании казаков. С. 334-340.
77. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг. С. 97-105.
78. Военная энциклопедия. Т. 11. СПб.: тов. И.Д. Сытина, 1913. С. 214.
79. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 507. Л. 96-100 об.
80. Керсновский А.А. История русской армии. 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004. С. 436.
81. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. С. 349.
82. Волошина Е.Е. Действия донских казаков в первых боевых операциях русской армии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С. 974.
83. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.
84. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. С. 352.
85. Керсновский А.А. История русской армии. 1700-1881. С. 436.
86. Перетягко А.Ю. Эффективность действий донских и кубанских казаков в русско-японскую войну 1904-1905 гг.: дискуссионные аспекты // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 69-75.
87. Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С.90-103.
88. Военная энциклопедия. Т. 11. СПб.: тов. И.Д. Сытина, 1913. С. 215.



89. Военная энциклопедия. Т. 11. С. 31.
90. Керсновский А.А. История русской армии. С. 377.
91. Военная энциклопедия. Т. 11. С. 31.
92. Военная энциклопедия. Т. 11. С. 31.
93. Энциклопедия военных и морских наук. Т. IV. С. 380-381.
94. Слесарев А. К столетию учреждения казачьего отдела Главного Штаба. Судьбы казачества и административная реформа военного ведомства 1909-12 годов. [Электронный ресурс]. URL: <http://mgko-moscow.ru/publ/1-1-0-1>
95. Слесарев А. К столетию учреждения казачьего отдела Главного Штаба.
96. Слесарев А. К столетию учреждения казачьего отдела Главного Штаба.
97. Рыжкова Н.В. Донское казачество в войнах начала XX века. М.: Вече, 2008. С. 5-12.
98. Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне. М.: Издательство московской киновидеокомпании, 1994. С. 96.
99. Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 13.
100. Рыжкова Н.В. Донское Казачество в войнах начала XX века. С. 95-187.
101. Советская военная энциклопедия. Т. 3. С. 598.
102. Советская военная энциклопедия. Т. 3. С. 598.
103. Советская военная энциклопедия. Т. 7. С. 89.
104. Советская военная энциклопедия. Т. 3. С. 598.
105. Советская военная энциклопедия. Т. 3. С. 598.
106. Советская военная энциклопедия. Т. 3. С. 598.
107. Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 34.
108. U.S. Army Irregular Opposing Forces Manual. Washington: Headquarters Department of the Army, 2014. С. V.
109. На учении КСОР ОДКБ «Взаимодействие-2015» начался первый практический этап. [Электронный ресурс]. URL: [http://function.mil.ru/news\\_page/country/more.htm?id=12054100@egNews](http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12054100@egNews)
110. В сентябре пройдет совместное российско-монгольское учение «Селенга». [Электронный ресурс]. URL: [http://function.mil.ru/news\\_page/country/more.htm?id=10634629@egNews](http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10634629@egNews)
111. Военный энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=5260@morfDictionary>
112. 45-й отдельный гвардейский полк специального назначения ВДВ награжден орденом Кутузова. [Электронный ресурс]. URL: [http://function.mil.ru/news\\_page/country/more.htm?id=10376544@egNews](http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10376544@egNews)

### References:

1. Zaionchkovskii P.A. Voennye reformy 1860-1870 gg. v Rossii. M.: izd. MGU, 1952. S. 48.
2. Istoricheskii ocherk deyatel'nosti voennogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadtsatipyatiletie blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855-1880 gg.). Т. III. SPb.: tip. Stasyulevicha, 1879. S. 223.
3. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. SPb.: Voennaya tipografiya, 1870. S. X.
4. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIII.
5. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIII-XVI.
6. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 91-184.
7. Voloshina E.E. Deistviya donskikh kazakov v pervykh boevykh operatsiyakh russkoi armii v period russko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. [Elektronnyi resurs] // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. №2. S. 971. URL: <http://hses-online.ru/2014/02/213.pdf>
8. Malukalo A.N. Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg.: organizatsiya, sistema upravleniya i funktsionirovaniya, sotsial'no-ekonomicheskii status. Krasnodar: Kuban'kino, 2003. S. 97.
9. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Т. 13. SPb.: tip. I.A. Efrona, 1894. S. 346.

10. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon, izdavaemyi obshchestvom voennykh i literatorov i posvyashchennyi Ego Imperatorskomu Vysochestvu Nasledniku Tsesarevichu i Velikomu Knyazyu Aleksandru Nikolaevichu. Ch. 1-14. SPb.: tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1842-1850.
11. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. I-VIII. SPb.: tip. V. Bezobrazova, 1883-1897.
12. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 1-8. M.: Voenizdat, 1976-1980.
13. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon... Ch. 1. S. I-II.
14. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. I. S. I-III.
15. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske // Voennyi sbornik. 1865. № 1. S. 73-89.
16. Esaul. O stroevom obrazovanii kazakov // Voennyi sbornik. 1860. № 10. S. 333-360.
17. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska.
18. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1902. T. XI. Ch.1. S. 152.
19. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (dalee – GARO). F. 46. Op. 1. D. 491. L. 93-94.
20. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1. S. 267.
21. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon... Ch. 6. S. 159.
22. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon... Ch. 8. S.46-48.
23. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon... Ch. 11. S. 325-326.
24. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon... Ch. 6. S. 160.
25. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon... Ch. 6. S. 160.
26. GARO. F. 46. Op. 1. D. 513. L. 26.
27. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1. S. 267-270.
28. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1. S. 270.
29. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 330. Op. 61. D. 1937. L. 18-19.
30. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1. S. 270-279.
31. GARO. F. 46. Op. 1. D. 491. L. 93-94.
32. GARO. F. 46. Op. 1. D. 491. L. 104.
33. GARO. F. 46. Op. 1. D. 513. L. 34.
34. General'nogo shtaba g-m knyaz' Golitsyn. O partizanskikh deistviyakh v bol'shikh razmerakh, privedennykh v pravil'nyu sistemu i primenennykh k deistviyam armii voobshche i nashikh russkikh v osobennosti // Voennyi sbornik. 1859. № 7. S. 44.
35. General'nogo shtaba g-m knyaz' Golitsyn. O partizanskikh deistviyakh... S. 45.
36. General'nogo shtaba g-m knyaz' Golitsyn. O partizanskikh deistviyakh... S. 55-56.
37. General'nogo shtaba g-m knyaz' Golitsyn. O partizanskikh deistviyakh... S. 55.
38. General'nogo shtaba g-m knyaz' Golitsyn. O partizanskikh deistviyakh... S. 57.
39. Artyom Y. Peretyatko. Eastern European Irregular Troops in the XVIII Century: Crisis and Evolution // Voennyi sbornik. 2015. Vol.(10), Is. 4. P. 183.
40. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 74-75.
41. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 75-77.
42. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 75.
43. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 74.
44. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIV.
45. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XV.
46. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 79.
47. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIV.
48. Sistematischeskii ukazatel' Voennogo sbornika za 1858-1890 gg. SPb.: tip. Depart. Udelov, 1891. S. 49.
49. Esaul. O stroevom obrazovanii kazakov. S. 334.
50. Esaul. O stroevom obrazovanii kazakov. S. 340-342.
51. Esaul. O stroevom obrazovanii kazakov. S. 338.
52. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 80-81.
53. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 81-83.
54. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 86-88.
55. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XV.
56. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XV.

57. Esaul. O stroevom obrazovanii kazakov. S. 334.
58. I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske. S. 86-88.
59. Esaul Dukmasov 1-i. Sovremennoe voennoe obrazovanie kazakov // Voennyi sbornik. 1870. № 12. S. 324-326.
60. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1.S. 400-402.
61. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1. S. 403-404.
62. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1. S. 422.
63. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.1. S. 427.
64. Krasnov P.N. Kartiny bylogo Tikhogo Dona. SPb.: Tovarishchestvo Golike i Vil'borg, 1909. S. 478.
65. Dopolnenie k stroevym kavaleriiskim ustavam dlya kazakov. SPB., 1884. S. 2-6.
66. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. III. S. 380.
67. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. VI. S. 286.
68. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. IV. S. 380.
69. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii // Istoriya vojn i voennogo iskusstva. SPb.: Poligon, 2000. S. 127.
70. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. IV. S. 380.
71. Engel's F. Armii Evropy // Engel's F. O voennom iskusstve. O teorii nasiliya. M., SPb.: Eksmo, Terra Fantastica, 2003. S. 238.
72. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. IV. S. 381.
73. Malukalo A.N. Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg. S. 97-105.
74. Malukalo A.N. Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg. S. 99.
75. Malukalo A.N. Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg. S. 99.
76. Esaul. O stroevom obrazovanii kazakov. S. 334-340.
77. Malukalo A.N. Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg. S. 97-105.
78. Voennaya entsiklopediya. T. 11. SPb.: tov. I.D. Sytina, 1913. S. 214.
79. RGVIA. F. 970. Op. 3. D. 507. L. 96-100 ob.
80. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. 1700-1881. Smolensk: Rusich, 2004. S. 436.
81. Zaionchkovskii P.A. Voennye reformy 1860-1870 gg. v Rossii. S. 349.
82. Voloshina E.E. Deistviya donskikh kazakov v pervykh boevykh operatsiyakh russkoi armii v period russko-turetskoi voyny 1877-1878 gg. S. 974.
83. Krasnov N.I. Voенное obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XII.
84. Zaionchkovskii P.A. Voennye reformy 1860-1870 gg. v Rossii. S. 352.
85. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. 1700-1881. S. 436.
86. Perelyat'ko A.Yu. Effektivnost' deistvii donskikh i kubanskikh kazakov v russko-yaponskuyu voynu 1904-1905 gg.: diskussionnye aspekty // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2014. № 2. S. 69-75.
87. Ignat'ev B.B. Razvitie sistemy upravleniya kazach'ikh voisk Rossii (vtoraya polovina XIX – nachaloXX vv.): Dis... kand. ist. nauk. M., 1997. S.90-103.
88. Voennaya entsiklopediya. T. 11. SPb.: tov. I.D. Sytina, 1913. S. 215.
89. Voennaya entsiklopediya. T. 11. S. 31.
90. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 377.
91. Voennaya entsiklopediya. T. 11. S. 31.
92. Voennaya entsiklopediya. T. 11. S. 31.
93. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. IV. S. 380-381.
94. Slesarev A. K stoletiyu uchrezhdeniya kazach'ego otdela Glavnogo Shtaba. Sud'by kazachestva i administrativnaya reforma voennogo vedomstva 1909-12 godov. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://mgko-moscow.ru/publ/1-1-0-1>
95. Slesarev A. K stoletiyu uchrezhdeniya kazach'ego otdela Glavnogo Shtaba.
96. Slesarev A. K stoletiyu uchrezhdeniya kazach'ego otdela Glavnogo Shtaba.
97. Ryzhkova N.V. Donskoe kazachestvo v voynakh nachala XX veka. M.: Veche, 2008. S. 5-12.
98. Voskoboinikov G.L. Kazachestvo v Pervoi mirovoi voine. M.: Izdatel'stvo moskovskoi kinovideokompanii, 1994. S. 96.
99. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 4. S. 13.
100. Ryzhkova N.V. Donskoe Kazachestvo v voynakh nachala XX veka. S. 95-187.
101. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. S. 598.

102. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. S. 598.
103. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 7. S. 89.
104. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. S. 598.
105. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. S. 598.
106. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 3. S. 598.
107. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. T. 4. S. 34.
108. U.S. Army Irregular Opposing Forces Manual. Washington: Headquarters Department of the Army, 2014. S. V.
109. Na uchenii KSOR ODKB «Vzaimodeistvie-2015» nachalsya pervyi prakticheskii etap. [Elektronnyi resurs]. URL: [http://function.mil.ru/news\\_page/country/more.htm?id=12054100@egNews](http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12054100@egNews)
110. V sentyabre proidet sovместное rossiisko-mongol'skoe uchenie «Selenga». [Elektronnyi resurs]. URL: [http://function.mil.ru/news\\_page/country/more.htm?id=10634629@egNews](http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10634629@egNews)
111. Voennyi entsiklopedicheski slovar'. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=5260@morfDictionary>
112. 45-i ot del'nyi gvardeiskii polk spetsial'nogo naznacheniya VDV nagrazhden ordenom Kutuzova. [Elektronnyi resurs]. URL: [http://function.mil.ru/news\\_page/country/more.htm?id=10376544@egNews](http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10376544@egNews)

УДК 93/94

**Представления о иррегулярных войсках в российской военной мысли:  
от «чуждой силы» Российской империи до пособников террористов**

Артем Юрьевич Перетяtko

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация  
Лаборатория военных исследований  
Кандидат исторических наук  
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

**Аннотация.** Статья посвящена эволюции представлений о иррегулярных войсках, их тактике и организации в российской военной мысли. Автор уделяет наибольшее внимание периоду 1850-1910 гг., когда вопрос о необходимых реформах иррегулярных, в первую очередь казачьих частей был особенно актуален. Результатом исследования являются выводы о том, что термин «иррегулярные войска» существенно изменил свое первоначальное значение, и о том, что традиционное причисление казачества к иррегулярным войскам является не вполне верным.

**Ключевые слова:** иррегулярные войска, казаки, кавалерия, Департамент Военных Поселений, Главное Управление Иррегулярных Войск, Н.С. Голицын, И.И. Краснов, М.А. Газенкамф.